

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ В ВИЛЬТЦЕ

Люксембургская русская община ведет свой отсчет с 1927 года – десятой годовщины Февральской, а потом и Октябрьской, революции. Девяносто лет назад прибыли эмигранты, прошедшие Гражданскую войну и Крымскую эвакуацию 1920-го, положившую конец сопротивлению Белого движения на Юге России. Приехали в Люксембург, думая, что ненадолго, а остались... навсегда.

Оказавшись в Турции и проведя там почти год в полевом лагере в Галлиполи, будущие поселенцы в Люксембурге уехали на работы в угольные шахты и строительство дорог в соседние Сербию и Болгарию. Бывшая Добровольческая Армия, сформированная для сопротивления Красным на Дону и Кубани, дала послевоенной Европе свои рабочие руки,

некогда предназначенные для чертежного стола, написания научных трудов или игры на фортепиано. Офицеры старшего и младшего состава устраивались чернорабочими так же, как и солдаты из крестьян или казаки. При эвакуации на троих

военных приходился примерно один гражданский, которому удалось эвакуироваться из Крыма и начать, тем самым, долгий путь эмигранта, закончившийся могилой на чужой земле.

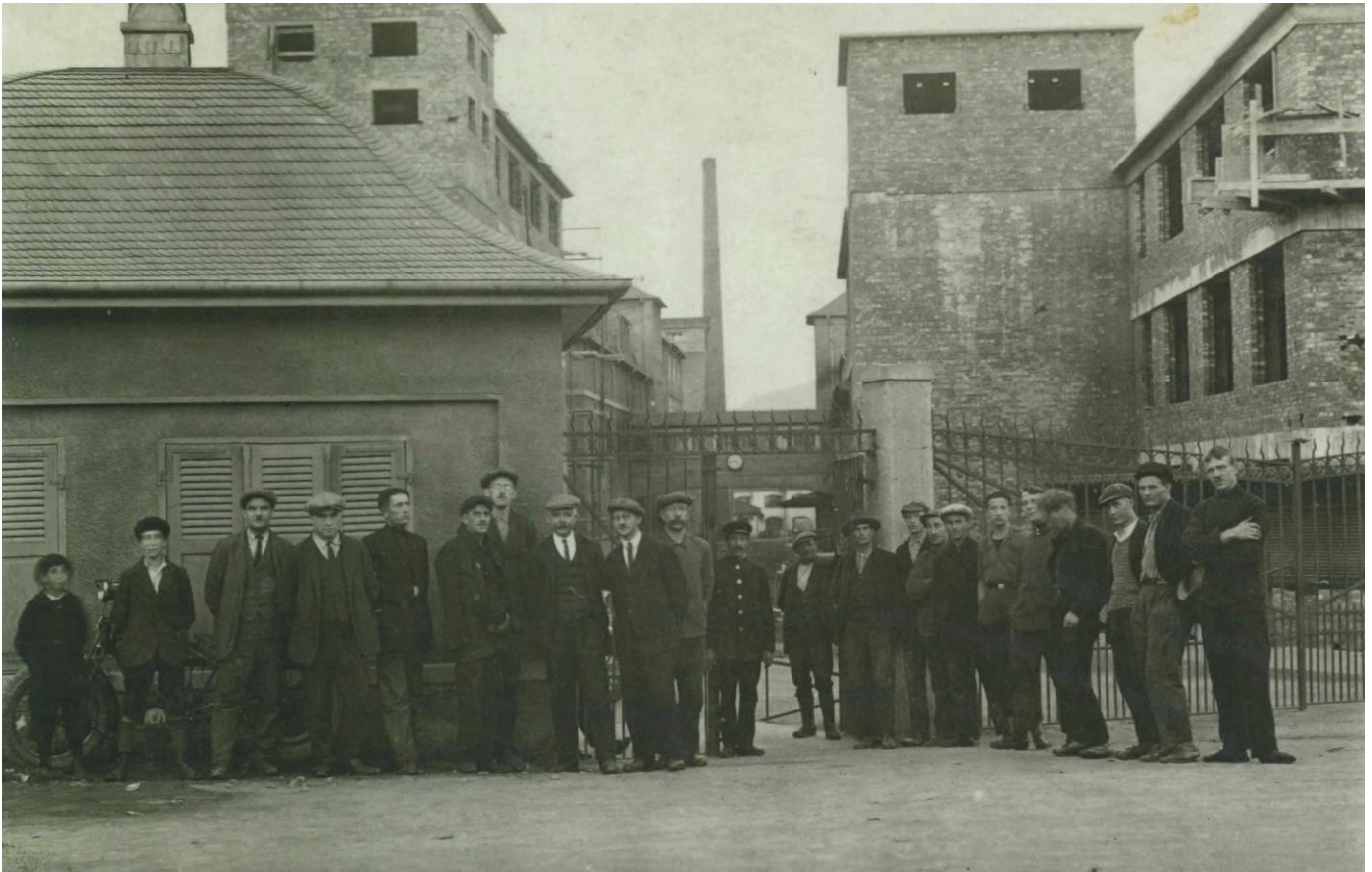
Но каждый русский человек стремился не сгнуться, а оставить после себя след. Благодаря сохранившимся воспоминаниям, документам и фотографиям в НИИ новейшей и цифровой истории Университета Люксембурга реконструируется жизнь предшественников современной русской диаспоры в XX-XXI вв.

Самым известным топонимом для русских в Люксембурге является Мертерт, сохранивший по сей день православные могилы на местном кладбище. Приехавшие туда в 1928-1929гг. шестьдесят человек устроились работать на керамической фабрике «Серабати», производящей кафель. Именно это предприятие запросило для них рабочие визы и обеспечило въезд по их уже недействительным русским паспортам или же новым «Нансеновским», выдававшимся беженцам без гражданства. Путем переписки с полковыми координаторами в Софии, с отделом Лиги Наций и его Комиссариатом по делам беженцев, с посольствами Германии и Австрии, через которые выдавали транзитные визы, и с руководством завода, оформлявшим въездные документы в Бельгии, были составлены наконец списки переезжающих. В них внесены не просто имена, а и воинские звания и даже наименования полков и училищ, к которым переезжающие были прикреплены: корниловцы, сергеевцы, алексеевцы, константиновцы, марковцы. Утратив Родину, они и десяток лет спустя сохранили связь с полками, их вторым домом. Переезжал полк – переезжал и дом. Так, организовано и, как в былые времена, по-военному старались устроить своих людей на лучшие места и в лучшие страны, да только куда там!..

Старшие групп маялись со своими отъезжающими, неготовыми покинуть страну разом: кто-то ждал премиальных выплат с шахт в болгарском Пернике, кто-то был болен, кто-то не мог уговорить супругу... До того момента, когда, наконец, все пожелания работодателя смогли быть учтены (возраст работников от двадцати до сорока, на четыре мужчины одна женщина, прибытие к конкретным срокам, наличие у всех справок о здоровье и т.д.) и группы действительно прибыли в тогда еще закопченный от сталелитейных предприятий Люксембург,

прошла не одна неделя. О том, как устраивались и обживались русские «колонисты» в Мертерте подробно рассказано в книге «И засияли золотые купола...» (И. Гэншоу, Люксембург 2014). Здесь же обратимся к другой географической точке на карте Люксембурга, неразрывно связанной с историей русских в Великом Герцогстве.

Русские рабочие перед воротами кожевенной фабрики «Идеал». Конец 1920-х — начало 1930-х.

Начиная с августа 1927г. в Вильтц на Севере Люксембурга из Перника массово прибывают русские рабочие, поскольку кожевенная фабрика «Идеал» расширилась и набирала иностранцев. Первыми в истории Вильтца гастарбайтерами стали русские. Сначала прибыло около девяноста человек. Всего из ста семидесяти приехавших лишь шестнадцать – женщины, жены бывших офицеров. Если семейные пары удалось пристроить в съемное жилье поблизости, то большинство холостых получило «общежитие» – здание, окрещенное как «Русская временка» (Russenbude). Ранее в этом здании была фабричная столовая, а впоследствии устроен лагерь для немецких военнопленных. Потом здание пустовало, пока его не снесли в 1990 г. В настоящее время на одном берегу Вильтц-реки располагаются склады, а на другом берегу, перед старым входом на фабрику, еще сохранились дорожки, по которым русские рабочие ходили на работу. Теперь по ним гуляют с собаками и ходят на пробежку местные жители.

«Русская временка» и ее обитатели. Конец 1920-х – начало 1930-х.

Уже через два года в Бельгию уехали первые двадцать человек, а пятеро из них даже поступили в университет в бельгийском Левене. В основном это были кадеты, кого детьми и подростками эвакуировали из Крыма в составе целых училищ, как, например, Донской кадетский корпус, или кто уже учился в университете Софии или Белграда. По прошествии еще пары лет, в 1931г., в Вильтце было зарегистрировано девяносто три русских, представляющих вторую по величине диаспору населенного пункта (их опережали немцы с перевесом более чем в три раза). Однако спустя еще четыре года в Вильтце зарегистрировано лишь сорок шесть русских по причине массового отъезда бывших белогвардейцев в Парагвай.

За те несколько лет, что русская колония просуществовала в Вильтце, в городе и его

окрестностях успел сложиться русский дух, окрашенный прежде всего музыкой. Несомненный интерес представляют отдельные факты из жизни некоторых музыкантов. Борис Орешкевич, род. в 1898г. в Киеве, стал дирижером оркестра балалаечников, и уже в первый же год своего пребывания бывшие солдаты и офицеры не только смогли смастерить себе сами музыкальные инструменты, но и начать давать с ними концерты.

*1 ряд снизу справа налево: 1. Слостенко Петр, 3. Смирнов Василий, 4. Бирюков Иван
2 ряд: 1. Скрипниченко Иван, 2. Харченко Николай, 5. Губанов Дмитрий, 7. Галыкин Федор
3 ряд: 2. Осовский Леонид, 5. Андреев Александр*

Русские приживались, как могли, и старались найти подход к местному населению – через футбол и музыку. Если хроника матчей не осталась в анналах, то летопись концертов – вполне. 15 апреля 1928 г. – на православную Пасху – дали концерт русской музыки в трех отделениях. Сохранились афиши, нарисованные Алексеем Кутенко. Его сын, по сей день живущий в

Вильтце, вспоминает отца, женившегося на его матери (люксембурженке из Бельгии), как человека сдержанного и отличающегося высоким чувством собственного достоинства. Когда немцы в 1940г. оккупировали Люксембург, в дверь Кутенко постучали. На пороге стоял немецкий офицер в сопровождении автоматчика. «Отец спокойно спросил, в чем причина визита. Он говорил по-немецки. Они и с матерью так общались: она с ним говорила по-люксембургски, он отвечал по-немецки. Офицер сказал, что производит учет: обходит всех иностранцев, ищет переводчиков. Добавил, что беспокоиться не о чем, но что вводится комендатура и будут изменения. Отец сказал, что он русский офицер, а не переводчик. Работает на фабрике «Идеал». Помочь ничем не может. Немец козырнул и ушел. Отец закрыл дверь и сел завтракать, не проронив больше ни слова. В Советском Союзе еще была мирная жизнь...»

Кутенко великолепно рисовал. До настоящего времени сохранился его вечерний зимний пейзаж, писанный маслом. Сумерки, как в рождественскую ночь. В Вильтце не было таких березок, избушек и сугробов. Кутенко рисовал вид из окна, который сохранился в его памяти. В одной избушке горел свет. Там его кто-то ждал.

Как-то раз, много лет спустя, его невестка, наводя уборку, провела по поверхности картины влажной тряпкой – и свет в избушке погас. Она не могла знать, что это были за краски,

раздобытые где-то Кутенко, хотя знала, что вместо холста была использована штанина его старых брюк. Кутенко жили бедно, как и весь рабочий люд фабрики. Ему повезло, что он встретил женщину, согласившуюся выйти за него замуж. Большинство же русских так и остались бобылями: с бедным иностранцем, живущим в бывшей столовой, желающих заключить брак было немного.

Алекс Кутенко, Без названия. Ткань, смешанная техника. Год неизвестен.

Основанный Орешкевичем оркестр балалаечников представляет собой пример среза тогдашней диаспоры в Люксембурге. Единицы из них женаты и имеют детей. Остальные – холостые мужчины разного возраста, либо разделенные со своими семьями, оставшимися в Советской России, либо так никогда и не познавшие семейной жизни. Языковые и религиозные различия, а главное, финансовая и жилищная неустроенность не позволяли создать свой семейный очаг. Из ста семидесяти прибывших лишь тринадцати удалось жениться в Вильтце. Только шестеро женились на люксембурженках или бельгийках, остальные – чудом – на русских.

Говоря об Орешкевиче, нужно упомянуть еще две вещи: во-первых, в 1945г. на базе оркестра балалаечников был основан струнный оркестр мандолин «Eenigkeet/Единство» для местных жителей, который просуществовал вплоть до 1980 г. Во-вторых, Орешкевич, познакомившийся со своей женой в Софийском университете, впоследствии переехал сначала в Мертерт, а затем и в Канаду, в Торонто, где он скончался в 1985 г. Его дочь, Наташу Орешкевич, мы еще встретим на одной школьной фотографии, когда речь пойдет о судьбах советских военнопленных во время Второй мировой войны. Судьбы русских людей, красных ли, белых ли, пересекались в Люксембурге не раз.

Наташа Орешкевич (вторая слева в верхнем ряду) с люксембургскими одноклассницами в восемь лет. По традиции русским девочкам заплетали косы, хотя другие школьницы уже носили практичный «боб».

Был и другой дирижер оркестра мандолин: артиллерист Владимир Шашин, род. в 1895 г. в Воронеже, женатый на петербурженке Маргарите Харитоновой. В 1934 Шашин вместе с тремя десятками другими товарищей переехал в Южную Америку, где, увы, умер в бедности. Но пока он жил в Люксембурге, он участвовал и в концертах, и в кавалерийских парадах. В 1933 г. на два дня из Брюсселя приехала кавалерия. Расположилась в местном отеле Тильжес (Tilges), приведя в беспокойство все местечко. Кавалерия дала парад, блеснула былой удалью, ошеломила «тысячи зрителей», как пишут источники, и отбыла восвояси. Русская колония испытала после такого подъема полное опустошение, какое они однажды познали после приезда на русское Рождество 1928г. из Брюсселя самого генерала Врангеля. Его приезда

ждали тогда с волнением, с надеждой на что-то новое, неясное, с каким-то трепетом. Врангель приехал, поддержал дух товарищей, ободрил и уехал. Что еще он мог сделать? Объявить общую мобилизацию и новый поход на страну Советов, которая уже отпраздновала свое пятилетие и которую признали, установив с ней дипломатические отношения, порядка двух десятков стран? Это были последние месяцы «Черного барона», неизменно носившего кафтан-черкеску. Он ушел из жизни в сорок пять лет, двадцать семь из которых он был военным. Врангель поддерживал русских военный дух, как мог. Но было и то, чего главнокомандующий Российского Общевоинского Союза РОВС дать никому не мог, – надежды на возвращение. Вот и в 1933г., после кавалерийского парада, многие засобирались в поисках нового счастья дальше, в Парагвай.

Экономический кризис 1933 г. сказывался в Люксембурге на всех, но в первую очередь на иностранных рабочих. Сокращения, безработица и безденежье подталкивали к отъезду.

Иностранцы могли работать только по специальности, заявленной в их документах, на них были квоты на предприятиях, а разрешение на пребывание продлевали лишь на основании контракта. Поэтому, когда люксембургское правительство пообещало

подъемные, если они последуют примеру их соотечественников во Франции, то многие

недолго думали.

Отец Евгений (Трецин, 1879-1966), первый священник Люксембургского прихода Свв. Петра и Павла, основанного в 1929г. В кепке – Роман Пух (1889-1957), регент, отец будущего второго священника, построившего в 1982 г. в Люксембурге первый русский православный храм. Сам будущий отец Сергей (Пух, 1926-2016) на коленях у своей матери (рядом с Романом) Ларисы Кудриной (1896-1994), первой учительницы русской колонии. Дед третьего настоятеля прихода о. Георгия (Машталера), Борис (1902-1982), эвакуировался вместе с Трециным и Пухом из Крыма в Галлиполи и после Сербии осел в Париже.

Отъезд состоялся 13 сентября 1934 г. На прощание был дан концерт, погружены инструменты, нехитрый скарб эмигранта-рабочего был уложен в чемодан, а на кладбище отслужена панихида. На тот момент в Вильтце скончался Константин Семперович (1896-1929) из Москвы и жена Ивана Бирюкова Ольга (1907-1931) из Ковно. Ольга умерла через три дня после родов дочери, крещенной Марией. Девочка, которую, однако, все звали Ольгой, как ее покойную мать, переехала со своим дедом и бабушкой в Парагвай, а впоследствии вышла замуж и уехала в Англию. Жизнь шла своим чередом: хороня стариков, молодые все еще не теряли надежды, что где-то их ждет не просто долгая, а счастливая жизнь. Однако смена места жительства не давала душевного успокоения, а, напротив, несла новые потери.

Похоронная процессия, возглавляемая о. Евгением, всегда заставляла местное население остановиться и вслушаться в звуки красивых, хотя и незнакомых песнопений.

Предводителем «парагвайцев» стал родившийся в 1887г. в Иркутске Николай Петрович Керманов. Вместе с ним в 1934 г. сначала на поезде, а затем на корабле в Южную Америку отправилось тридцать два мужчины и восемь женщин с четырьмя детьми в возрасте от двух до десяти лет. В 1935г. за ними последовала еще одна партия русских. Люксембургское правительство было благодарно, что тем самым рынок безработных улучшался, и приняло решение выдать кермановским переселенцам вдобавок к трем тысячам франков рабочие инструменты и оружие, которые помогли бы им начать новую жизнь в тропических лесах, тяжелом климате, среди диких животных, змей и насекомых (первой жертвой переезда стал внезапно скончавшийся Иван Грушкин). Некоторым впоследствии удалось перебраться в

столицу Парагвая Асунсьон, другие смогли поступить в парагвайскую армию и занять там офицерские должности, кто-то стал преподавать, а кто-то работал чертежником.

Тем временем, в 1936 г., еще восемнадцать человек были уволены с фабрики «Идеал». Четырнадцать из них переехали в Мертерт и начали работать, четверых старались пристроить на месте. В 1938 г. в Мертерте скончался один из переехавших из Вильтца – Михаил Ползиков, род. в 1875г. в Орле. Бывший генерал сражался на румынском фронте в Первую мировую полковником, а с началом Гражданской был произведен бароном Врангелем в генералы. Из Болгарии он переехал с женой Эмилией Шперлинг и тремя детьми в Вильтц и устроился работать на станке по окрашиванию кож в «Идеале». Его дочь Ирина вместе с супругом Александром Андреевым уехала в Парагвай за четыре года до его смерти и не смогла сказать отцу последнее «прости». Проводить его смог лишь сын Алексей, а тот момент уже четыре года живший в Брюсселе.

Еще одним заметным музыкантом был офицер пехоты Иван Островерхов, род. 1894г. в Нежине. Островерхов был талантливым «духачом», игравшим на кларнете и саксофоне в «Вильтцском филармоническом обществе». Он даже сам изготовил себе для этого зубной протез, облегчавший ему игру на инструменте. Островерхов скончался в Чили, переехав туда из Парагвая, где жизнь не задалась. Другим известным исполнителем был Иван Скрипниченко в оркестре балалаечников, чьи потомки по сей день живут в Люксембурге.

Люксембург, 1928. Прибытие партии русских рабочих из Болгарии.

За новым счастьем поехали в Парагвай семьи Андреевых, Богдановых и Приваловых. В Вассербиллиг и Мертерт переехали семьи Захаровых и Смирновых. В конечном итоге из ста пятидесяти человек, живших в Вильце, около пятидесяти человек уехали в Парагвай, пятьдесят шесть – в другие населенные пункты Люксембурга, двадцать пять – за границу, тридцать пять отправились в неизвестном направлении, шесть человек остались в Вильтце. Покатившихся же по волнам Атлантического океана в Латинскую Америку ждали один сюрприз за другим начиная с самого путешествия, продлившегося чуть ли не месяц, и заканчивая прибытием на пустое место. Вместо обещанной станицы с русской школой, больницей и церковью, где якобы уже жили другие выходцы из России, они увидели окруженную лесом расчищенную поляну с какими-то непонятного вида постройками. Поставив чемоданы и стацив с повозки

свой скарб, бывшие белые офицеры первым делом зарядили свои ружья: насколько феерической показалась красота природы Парагвая днем, настолько же ужасающей она становилась с приближением ночи.

В сгущавшейся темноте доносились незнакомые звуки леса, не обещавшие ничего дружелюбного. В хижинах, брошенных другими русскими из РОВС, вовремя покинувших т.н. станицу, не было никаких признаков налаженной жизни. В своей первой хибарке, в которой им пришлось ночевать, после того как шесть волов тащили обоз десять километров по непроходимым дорогам целый день, не было даже стен из плетня или соломенной крыши. Только вкопанные столбы и рядом сложенные жерди для кровли. Ни стен, ни полов в ней не было. Строители-белогвардейцы разбежались до того, как справились с жарой, влагой, болезнями и бесконечной борьбой с лесом, вырубить который под посев было практически невозможно. Даже осилив небольшой участок и посадив там тапиоку или кукурузу, нужно было продолжать войну с природой: теперь с насекомыми, уничтожающими весь урожай на корню. О том, как русские из Люксембурга выживали и справлялись с невзгодами в Парагвае, прежде чем было принято решение вернуться, речь пойдет позже.

По материалам книг

1. Гэншоу, Инна: «И засияли золотые купола...» История русской православной общины Люксембурга. Люксембург 2014;
2. Ganschow, Inna: „100 Jahre Russen in Luxemburg. Geschichte einer atomisierten Diaspora“. Luxemburg 2020.

Перепечатка текста и фотографий с указанием источников.